

Стихия танца многообразна, изменчива и своенравна. Искусство Майи Плисецкой углубило, усилило эти свойства. В ней самой живет множество танцевальных стихий, казалось бы, несовместимых, противоборствующих.

Отрешенная, приподнятая над всем житейским красота движений ее Лебеда, сосредоточенность, уход в себя в танцевальных дуэтах на музыку Баха, Малера и эмоциональная открытость, женственность в каждом мгновении сценической жизни ее Кармен... Есть много других оттенков, черт, изгибов человеческих характеров, выраженных пластическим искусством Плисецкой. Идет время, и все больше ощущаешь уникальность ее антерской природы, ее пластической выразительности, ее танцевальных линий, видишь их в исторической перспективе жизни балетного театра.

Черты танца народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Плисецкой находишь в искусстве других сегодняшних исполнительниц (наших и зарубежных), и прежде всего — в ее движениях, особую пластическую интенсивность.

Мы привыкли к тому, что пластика Майи Плисецкой удивляет новизной преобразования в каждой новой роли артистки, однако разнообразие исполненных партий наметило, кажется, уже все мелодические и ритмические линии искусства танцовщицы.

Но вот родились ее новые танцы — два пластических монобалета, поставленные известным бельгийским хореографом Морисом Бежаром.

Удивительная мысль пришла в голову Бежару — воскресить образ легендарной танцовщицы-босоножки Айседоры Дуннан в пластическом искусстве нашей современницы Майи Плисецкой. Идея Бежара обрела форму танцевальной сюиты «Айседора», похожей на хореографическое посвящение, даже эпитафию.

Просты, незатейливы композиции на музыку Шуберта, Бетховена, Листа, Брамса, Шопена, де Лилля... И сама танцовщица в легком белом одеянии — безыскусна, беззаботна, свободна от всего того, что попадает под определение: традиция, школа, тренаж. Наведенная с музыкой она слагает пластические стихотворения. Импровизационно, для себя. Эта иллюзия живет в каждом танце цинла, от детской «игры в камушки», до бетховенского танца, до Марсельезы.

В движениях Плисецкой все же вдруг возникают танцевальные мгновения, знакомые нам по рисункам, снимкам Дуннан. Одно из них запечатлено на нашей фотографии. Мы отлично понимаем: именно в пластике Плисецкой может сегодня ожить и стать явлением большого искусства сама незатейливость, простота танцевального языка, рожденного много лет назад, как бунт против исполнительской закрепленности. В пересечении двух танцевальных стихий — одной, зовущей уйти от школьной выученности и природе, другой, поставившей школьную выученность на службу великим образам, — рождается мелодия танцевальной фантазии «Айседора».

А потом, как удар гонга, контраст: эмоциональный, пластический, музыкальный, Болеро Равеля. И луч прожектора выхватывает в темноте сцены лицо и руку танцовщицы. Яркий сноп света долго держит в надрезах строгий лик женщины и нить ее руни, чеканные движения этой кисти, зачинающей танец.

Скупые, даже суровые, но опаленные внутренней жизнью движения, жесты говорят о силе и власти той, что сейчас стоит на столе-помосте босая в простом — белом с черным — репетиционном костюме, и медленно заводит танцевальный разговор, выражая в нем ритм, дух, магнетизм равельского Болеро. Его музыкальные периоды, как витки инфернальной спирали, наращивают, нагнетают ритмическую напряженность, дают новые и новые пластические импульсы танцовщице. Телом, взором, «высоко занесенной рукой» творит сценическое действие, похожее на магию, колдовство.

С последними тактами Болеро, когда музыка бросит нам всю свою экспрессию и страстность, танцовщица, выйдя за предел танцевального ритуала, словно крикнув всем что-то, бросит руни вперед, потом броском скрестит их перед собой. Прыжок. И вдруг все обрывается, поглощается взрывной волной. Этот яростный финал, кажется, разбивает на мелкие осколки самую музыкальную тему Болеро.

Стихия танца Майи Плисецкой многообразна, изменчива и своенравна...

Наталья АРКИНА.

● Народная артистка СССР М. Плисецкая в балете «Айседора».